

Доклад на внеочередной сессии революционных ходоков

СМЕЛО, ТОВАРИЩИ, В НОГУ!

ИТАК, ТОВАРИЩИ, снова поднимается древний как мир вопрос: куда идти? Даже несколько не совсем так, вернее будет сказать — как идти?

Потому как стоять-то мы явно не будем, ввиду отточенной прогрессивности наших целей, требующих от нас слаженной ходьбы. Но вот что сбивает наш стройный и громогласный шаг: некоторые сомневаются. Некоторые — они всегда были. Если даже напрячься в сторону нашей с вами недавней истории, то сразу всплывает всяческий злостный элемент, вроде пресловутых бухаринцев и прочей несознательности. Кто сбивался с шага и мешал сбиваться другим? Они. Что с ними сделали несбитые? Известный факт: к стенке. Тут которые помоложе, может быть, и не знают этого благостного термина — «к стенке», поясню: в революционных условиях — это лучший и кратчайший путь решения проблемы с разбродом в мозгах. А условия, товарищи, они всегда революционные. Потому что в противном случае они становятся контрреволюционными, а это уже серьезное нас недопонимание. Ведь мы не можем быть конторой, мы что ни на есть «за»: за прогресс, за строгость, за дисциплину и светлую жизнь.

В связи с этим становится очевидным, что в одиночку туда не дойдешь, а тем более неорганизованной колонной. Неорганизованной колонной можно идти только по зыбкому мосту, чтобы он от стройного печатного шага многих ног не рассыпался. Но наш мост не рассыплется, потому что он совсем не мост, а широкая дорога. Следовательно, идти надо в ногу. Когда ты идешь в ногу, я иду в ногу — что получается? Получается взаимное уважение и согласо-

КОЛЛАЖ ЮЛИИ КУДРЯВЦЕВОЙ

ванность. И даже если, скажем, шли мы не туда, куда хотелось, зато все вместе, значит, ошибаться мы не могли. И далее того — если и ошибались, то только все вместе и под руководством, то есть некого обвинять. И даже незачем признавать, что шли не туда. Как это не туда? Ведь всем же строим, значит, туда. А если что, повернем в нужную сторону, и снова все вместе — значит, все правильно и было, и есть, и будет.

Теперь о некоторых, про которых я уже упоминал, хоть и без особого желания, но в силу необходимости. Вот вспомните, товарищи, того некоторого, который сказал, что через гору идти короче. Куда он делся? Правильно, он пошел через гору, да еще и вразвалочку. И может даже быть, что он уже там, куда мы еще только планируем попасть. Но хоро-

шо ли ему? С кем он идет в ногу? С тобой, со мной? Ни с кем! Кому от этого хорошо? Тебе, мне? Прямо скажу: он пиздон. Конечно, пыль дорожную он не глотает, идет по зеленому склону, но преимущество ли это перед нами? Ему одному, в то время как мы, хоть и наглотавшись, зато знаем: ты глотаешь, я глотаю, он глотает — все глотают! Это и есть, товарищи, единение. Мы как коллектив значительно превосходящий его в солидарности. С кем он, например, солидарничает в своих горах? С кузнечиками и прочими птахами неразумными? Что толку от такой близости с природой? С кем он поделится своими горами достижениями и впечатлениями? А мы? Ты можешь мне рассказать, я тоже могу тебе. Это и есть обществу, человеческие отношения, одним словом, прогресс. Так

что человеческого в нем мало, все больше каких-то звериных инстинктов и устремлений. Жалко, Павлов перестал изучать своих собачек, можно было бы ему этого пиздона подсунуть, пусть бы в нем покоялся — наверняка в нем больше от собаки, чем от человеческого рефлексов. И к тому же вспомните поговорку про того, который в гору не пойдет. Он кто? Он умный. Иными словами, это мы с вами. А кто не мы с вами, тот... правильно — русское нормальное слово «дурак».

Следующий пункт нашего прогресса, товарищи: самовоспитание. Я сейчас не имею в виду всякие глупости, вроде пения, рисования и другой культурной архитектуры. Я наоборот — про знание основ коллективизма. Какая у тебя, например, книжка под рукой? Философия? — Глупость какая!

Художественный роман? — Полная ерунда! Литературные стихи? — Ха-ха, да и только! Ты возьми и спрячь под полу таблицу с результатами наших достижений, схему наших побед, план нашей строевой ходьбы — вот это будет дело. Достань на досуге, почитай, запомни, зубри — вот и станет самосовершенствоваться. Повысишь свой уровень, мозги разовьешь, человеком, можно подумать, станешь. Потому что зачем тебе стихи? Чтобы мурлыкать себе под нос и другим несознательным возлюбленным? И что ты в себе разовьешь подобным образом? Способность мурлыкать? Так это более кошачье, чем человеческое, то есть идеальное разложение и слабость. А ты выучи пару-сотню цифр, шегольни перед начальством, когда оно спросит. Знаешь, как себя заужаешь?! Не говоря

уж о начальстве. Это и есть основа прогресса, товарищи. Только так мы — осмысленный коллектив, а не группа впустую размышляющих личностей.

Теперь тут еще некоторые жалуются, что еды не хватает, спать не хватает, сил не хватает. Это контрреволюция, товарищи. Как нам всем вместе может чего-то не хватать? Ну не хватает — возьми у товарища, пусть у него пока не хватает, пока он у другого не возьмет. Ведь мы — товарищи, а значит, так можно брать по кругу, и у всех все будет. А насчет спать, так это вообще ерунда. Как можно спать, когда идешь строем? Я скажу вам, как: влейся поглубже в коллектив, подопри со всех сторон плечами товарищей своих — и спи на здоровье на ходу. Выспался — дай другому опереться на твое плечо. И строй сохраняется, и личные амбиции в смысле сна остаются удовлетворенными.

Так что, смею вас уверить, способ нашей ходьбы останется неизменным, так как он доказан многочисленными плюсами таковой. Что до вопроса «Куда идти?», то и в этом не сомневайтесь: когда есть — как, всегда найдется — куда. Это если бы все разбрелись-распатались, то конечно, шут его знает, где верное направление. Но покуда мы в одной колонне, куда бы мы ни пошли, куда бы нас ни направили — все будет верно. А потому что вместе. А раз вместе, то не станем же мы все признаваться, что все поголовно дураки. Дурак — это всегда кто-то один. Потому что ему не у кого искать поддержки. И если он будет против этого еще и выступать, то перерем-то мы его в два счета. Значит, так он и останется дураком, а мы коллективом. Так что, смело, товарищи, в ногу!

ЭПИСТОЛЯР ЗАШОРЕННЫЙ, поборник строгой стройности.

Быстрые привесы

ДИАЛОГ

Вечером чета Хмыревых собралась за обеденным столом.
— Хмырев, я толстая! — трагизму в голосе жены позавидовала бы и Анна Каренина.
— Опять?! — спросил чуткий Хмырев. — В прошлом месяце ты уже была толстой.
— Да! Опять! Все вокруг худеют, и только я одна набираю и набираю вес.
— Варвара Павловна из отдела кадров? — Хмырев продемонстрировал не только чуткость, но и поразительную догадливость.
— Минус 15 килограммов, — убитым голосом сообщила жена. — За три недели.
— Так-с. Подведем итоги. Полгода назад меня тошнило от кефира, потому как Варвара Павловна сбросила на молочнокислой диете 20 килограммов. Так?
— Так.
— На кремлевской диете я здорово подтянул математику, считая очки. Не иначе как в Кремле диетологом Лобачевский работал. Варвара Павловна сбросила 23 кило супротив наших восьми на двоих. Так?
— И что? Восемь на двоих...
— Не сбивай меня. Благодаря бесхлебной диете и ваннам с ледяной водой она сбросила 18 кило супротив твоих пяти. Так?
— Так. И что ты пытаешься сказать?
— И теперь 15 кило. По моим подсчетам, Варвара Павловна сейчас весит от нуля до минус десяти килограммов. Я видел ее на фотографиях — в ней было от силы килограммов 70.
— Ну-у. Она ж и набирает. Набирает, потом сбрасывает...
— Слушай, пусть Варвара Павловна лучше поделится опытом с животноводами Нечерноземья. Они же мечтают о таких быстрых привесах!

ПОЗОВИТЕ ЛАПОХИНУ

БЫВАЕТ ЖЕ ТАКОЕ

МНЕ БЫЛО пять лет, и жили мы на первом этаже общежития, недалеко от телефона, который был один на всех.

А надо сказать, что мальчик я был хоть и далекий от прогресса, так как приехали мы из деревни, но интересующийся техникой. Как-то раз играл я в коридоре, и зазвонил телефон. Обычно я в таких случаях звал взрослых. Но тут их не оказалось, и я ре-

шился в первый раз взять трубку:

— Алло!
— Алло! Позовите, пожалуйста, Лапохину.
— Хорошо!

Аккуратно кладу трубку на рычаг (откуда мне было знать, что надо ее положить в сторону) и бегу искать. Пробежав полкоридора, я понимаю, что никаких Лапохиных я не знаю, потому что переехали сюда мы недавно, да и на фамилии память у меня была плохая.

Надо хотя бы знать имя-отчество. Тут телефон зазвонил опять. Я подбегаю к нему:

— Алло!
— Позовите, пожалуйста, Лапохину.
— А как ее зовут?

— Нина Борисовна. Только трубку не клади.
— Ладно.

Подождите, пожалуйста.

Странный человек. Просит, чтобы я трубку не клал. Что мне ее, с собой таскать? Меня учили возвращать все туда, откуда взял. Аккуратно кладу трубку на место и бегу искать. Пробежав полкоридора, я понимаю, что информации мало. Тетю Нину я знал, но забыл, где она живет. И как назло — ни одного из взрослых. Я стал обходить комнаты и внимательно всматриваться в двери — я очень хорошо запоминал их, и меня это выручало. Обойти осталось каких-нибудь десять дверей в коридоре, как телефон зазвонил опять. «Какой нетерпеливый!», — подумал я и подбежал к телефону:

— Подождите, пожалуйста, я еще не нашел ее.
Положил трубку и пошел искать дальше. Тут меня осенило, что надо узнать номер комнаты. Считать я тогда умел аж до ста. Я подошел к телефону и подождал, когда он снова зазвонит. Он зазвонил.

— Скажите, а в какой она комнате живет?

Человек почему-то нервно и, узнав, что позвать из взрослых я никого не могу, выдал:

— В одиннадцатой. Только трубку не клади, у меня двучки кончились.

— Хорошо.
Я положил трубку и, облегченно вздохнув, пошел искать комнату. Да, цифры я знал. Но, похоже, от волнения забыл, как пишется число одиннадцать. И спросить не у кого. Тут зазвонил телефон. Я радостно подбегаю и говорю:

— Скажите, а как пишется одиннадцать?

Человек с того конца провода, наверное, укусил трубку, потому что издал непонятный звук:

— Это опять ты, мальчик?! Позови кого-нибудь!

Тут к счастью в коридоре появилась какая-то тетя. Я побежал к ней, не забыв положить трубку. Потом опять раздался звонок и я, стоя в коридоре, наблюдал, как тетя с улыбкой выслушивала что-то по телефону.

ОЛЕГ КУЗЬМИН.

